

№157 *Наследие*

25.11.14

פרשת ויצא

ג' כסלו תשע"ה

עלון תורני לדוברי רוסית - פרשת שבוע, הלכה, שאלות ותשובות, מוסר והשקפה

Офаким

לעילוי נשמת רשכבה"ג הגרי"ש אלישיב זיע"א

*Рав Нахум Пурер***Недельная глава "Ваеце"****Содержание раздела**

Спасаясь от Эсава, Яков покидает Беэр Шеву и отправляется в Харан, где живет родня его матери. По дороге он "задерживается" на 14 лет в ешиве Шема и Эвера. Продолжив затем путь, Яков прибывает к горе Мория, где его отец Ицхак едва не был принесен в жертву и где со временем был построен Храм. Он ложится спать и видит пророческий сон: ангелы восходят и спускаются по лестнице, соединяющей землю и небо. Б-г обещает ему всю страну Израиля, статус основателя великого народа и Свою защиту везде, куда его (и его потомков) забросит судьба. Проснувшись, Яков дает обет построить жертвенник в этом месте и выделять Б-гу десятую часть от всех своих приобретений.

Затем он идет в Харан и встречается там у источника свою двоюродную сестру Рахель. Не имея средств для сватовства, он договаривается с ее отцом и своим дядей Лаваном отработать семь лет за его младшую дочь Рахель, но по окончании этого срока Лаван обманывает Якова и дает ему старшую дочь Лею вместо Рахели. Лаван согласен отдать ему и Рахель, но... если Яков отработает у него еще семь лет.

Лея рождает ему четырех сыновей — Реувена, Шимона, Леви и Йеуду, первых основателей колен Израиля. Рахель страдает из-за того, что не может зачать, и дает Якову свою служанку Билу, которая рождает Гада и Ашера. Лея также вводит к Якову свою служанку Зилпу, и та рождает Дана и Нафтали. Затем у Леи рождаются Иссахар, Звулун и дочь Дина. Наконец, подходит очередь Рахели: она рождает своего первенца Йосефа. Яков решает уйти от Лавана, но тот понимает, что разбогател благодаря племеннику и не хочет его отпускать. Он заключает с Яковым выгодное для себя экономическое соглашение, но в этот раз обман не удался. В стадах Якова резко увеличивается приплод. Чувствуя растущую зависть и ненависть со стороны Лавана и его сыновей, догадываясь об их враждебных замыслах, Яков бежит на родину вместе с семьей и нажитым скотом. Лаван бросается в погоню, но, предупрежденный Б-гом, не решается причинить зло Якову и задерживать его. Заключив с Лаваном "пакт о ненападении", Яков возвращается домой. Он переходит границу Эрец Исраэль и идет навстречу уже ожидающему его брату Эсаву.

Быть человеком

Хорошо быть котом. Во-первых, не надо заботиться об одежде. Во-вторых, так много вокруг разной еды. Каждая свалка, каждый мусорный контейнер — как китайский ресторан. Для кота в равной мере аппетитно пахнут выброшенные на помойку рыбы потроха и только что зажаренный бифштекс. Короче, жизнь прекрасна. Но есть у нее одно серьезное неудобство — чтобы оценить ее достоинства, надо быть котом.

Лично я предпочитаю быть человеком, несмотря на сопутствующие этому статусу гастрономические ограничения.

Тора и религиозный образ жизни вырабатывают в человеке особую чувствительность к явлениям окружающего мира. Старая песня "про любовь", слова которой завораживали тебя лет двадцать назад, вдруг кажется грубой и примитивной. Уличные плакаты и афиши, которых раньше просто не замечал, бросаются в глаза своей вызывающей безвкусицей. Каждая пошлость ранит, режет зрение и слух. Это значит, что мы стали замечать различия между потрохами и бифштексом.

Настоящий раздел начинается со слов "И вышел Яков из Беэр Шевы, и пошел в Харан" (28:10). Комментируя первую часть этой фразы, на первый взгляд излишнюю (достаточно было написать: "И отправился Яков в Харан"), Раши объясняет, что уход праведника оставляет заметный след, зияющую пустоту в жизни тех, кто находился рядом с ним. Праведный человек излучает вокруг себя особую ауру, свет высокой духовности и святости. С его уходом эта аура исчезает.

Но почему Тора не употребляет тот же глагол ваеце (и вышел), когда Авраам покинул родной Харан и отправился по указанию Творца "в страну, которую Я тебе покажу"? Неужели его уход не ощущался там столь же остро, как и отсутствие Якова в Беэр Шеве?

Он бы, конечно, ощущался, если бы было кому ощущать. В Харане жили закоренелые язычники, люди с грубыми, примитивными душами и мироощущением на уровне кота с помойки. Они не понимали устремлений Авраама и его духовных исканий, поэтому отсутствие этого праведника не было замечено. Но когда Яков "вышел из Беэр Шевы", там оставались его родители Ицхак и Ривка, и на этих духовных гигантов уход будущего

основателя двенадцати колен Израиля произвел неизгладимо тягостное впечатление. Ицхак и Ривка сразу почувствовали вакуум в общественной атмосфере Беэр Шевы, вызванный отсутствием их выдающегося сына, потому что в отличие от жителей Харана, они прекрасно отличали "гнилые потроха" от "свежего бифштекса".

Понимать? Только с Устной Торой!

Лаван, отец Рахели и Леи, считается хрестоматийным негодяем. Еще в разделе Хаей Сара мы узнали, что он хотел уничтожить род Авраама: отравить Элиэзера, выполнявшего роль свата, чтобы тот не привез жену Ицхаку, и Ицхак не женился и не имел детей. Его план провалился, и вот теперь, спустя много лет, Лаван совершил еще одну попытку "окончательного решения". На этот раз его жертвой чуть не стал Яков, сын Ицхака, которому Лаван вначале не давал жениться на Рахели, а потом хотел уничтожить вместе с семьей, и, если бы не прямое предостережение Б-га, как знать...

Но откуда мы знаем, что Лаван, как сказано в Пасхальной Агаде, "хотел истребить всех"? Почему та же Агада утверждает, что он был хуже Фараона? Неужели Лаван был таким уж страшным злодеем? При обычном чтении книги Берешит такое впечатление не создается. В разделе Хаей Сара он тепло приветствовал Элиэзера, предложил ему отобедать; накормил сопровождающих его лиц и верблюдов. Хороший человек, хлебосольный хозяин...

Но тот, кто глубоко изучал Пятикнижие, знает, что еда, предназначенная слуге Авраама Элиэзеру, была отравлена и от нее "случайно" умер Бетуэль, отец Ривки и Лавана.

Но где это написано? В самом тексте Пятикнижия ничего этого нет. Зато есть в Устной Торе, важнейшей части Полной Торы, данной Б-гом на Синае, которая содержит среди прочего тщательный анализ текста, грамматических форм и даже отдельных букв и которая передавалась устно, от учителя к ученику, и была частично записана в Талмуде и других книгах мудрецов.

В сцене со сватовством Ривки Лаван говорит раньше своего отца. В хороших семьях так не поступают. Мы видим Бетуэля лишь в начале визита Элиэзера, а в конце упоминаются только его сын и жена.

В сегодняшнем разделе мы читаем, как Лаван обманывал Якова, эксплуатировал его, подменил ему невесту, наживаясь на его честном и самоотверженном труде, менял условия оплаты десятки раз и все больше ненавидел племянника, завидуя его удачливости.

"Что же тут особенного? — удивится читатель. — Среди нас таких лаванов пруд пруди, и никто не говорит, что они хуже Фараона или нацистов". В сцене, рассказывающей о побеге семьи Якова, Лавану можно даже посочувствовать: коварный и неблагодарный племянник пришел нищим в Харан, получил у доброго дядюшки

Лавана приют, двух дочерей и двух служанок в жены, стал многодетным отцом, жил на всем готовом и теперь сбежал, прихватив с собой множество овец и любимых идолов хозяина (похищенных Рахелью втайне от мужа). "И сказал Лаван Якову: "Что ты сделал? Ты меня обманул и увел дочерей моих, как плененных на войне! Отчего бежал ты тайно... не сказав мне? Я проводил бы тебя с весельем и песнями...И не позволил ты мне поцеловать сыновей (внуков) и дочерей моих". Кто же тут злодей и кто жертва?

Но традиция сообщает, что Лаван врал, лукавил. Он гнался за Яковом, чтобы убить его, как сказано в Агаде и книге Дварим (26:5): "Арами овед ави — Арамеянин (Лаван) — губитель моего отца". В свете этого знания все становится на свои места.

Письменная Тора (Пятикнижие и весь Танах) похожа на зашифрованное послание, на конспект. Без Устной Торы ее невозможно правильно понять. Один читатель уличил меня в подлоге: откуда известно, мол, что Тора запрещает вступать в браки с представителями других народов, если в главе 7 книги Дварим речь идет только о семи ханаанских народах, исчезнувших еще в эпоху Писания? Без Устной Торы и в самом деле получается "подлог". Но, комментируя стих 7:3 "И не вступай с ними в брак..." Рамбам пишет (Законы о запрещенных связях 12:1), что этот запрет распространяется на всех неевреев. Даже слова ло титхатен (не женись) нельзя понимать здесь в буквальном смысле, поскольку брак еврея с неевреем, светский или заключенный по законам иной религии, вообще не считается браком в глазах еврейского закона. Но даже если исходить из простого здравого смысла, что осталось бы от нашего народа за долгие века рассеяния, если бы Тора разрешала смешанные браки?

Письменную Тору признают все народы с тех давних пор, как она была переведена на древнегреческий. Христианские миссионеры используют стихи из Танаха в своей агитации за Иисуса. Мусульмане почитают Ибрагима (Авраама) и Мусу (Моше). Секулярная (светская) литература наполнена библейскими образами. Но Устная Тора остается исключительным достоянием еврейского народа и тайной за семью печатями для других. "Пятикнижие Моисеево" — самая читаемая книга всех времен и народов, а Талмуд, как утверждают антисемиты, учит евреев лгать и изворачиваться. (Помнится, у советских партпропагандистов был в арсенале такой штамп: "талмудизм и начетничество".) И на площадях средневековых городов сжигали не Танах, а трактаты Талмуда, нашу Устную Тору, плоть и кровь иудаизма.

По материалам сайта Toldot.ru

Рав Ицхак Зильбер

Пламя не спалит ТебяПродолжение.
Начало в номере 156**"И БУДЕТ ЖИЗНЬ ТВОЯ
ВИСЕТЬ НА ВОЛОСКЕ"**

Ничего подобного не было в мировой истории: народ, в течение почти двух тысяч лет подвергавшийся бесконечным преследованиям, уничтожавшийся физически и духовно, выжил и продолжает существовать, разбросанный по всем странам мира, но сохранивший при этом свою неповторимую индивидуальность. Ни один из историков не в состоянии объяснить, почему мы до сих пор не сгинули, смешавшись с народами, среди которых жили. Эта загадка не давала покоя и русским писателям и философам.

"Я вспоминаю, что в дни моей юности, когда меня привлекало материалистическое понимание истории, когда я старался проверить его на судьбах народов, мне казалось, что величайшим препятствием для этого является историческая судьба еврейского народа, что с точки зрения материалистической судьба эта совершенно необъяснима. Нужно сказать, что со всякой материалистической и позитивно-исторической точки зрения этот народ давно должен был бы перестать существовать. Его существование есть странное, таинственное и чудесное явление, которое указывает, что с судьбой этого народа связаны особые предназначения. Судьба эта не объясняется теми процессами приспособления, которыми пытаются объяснить материалистически судьбы народов. Выживание еврейского народа в истории, его неистребимость, продолжение его существования, как одного из самых древних народов мира, в совершенно исключительных условиях, та роковая роль, которую народ этот играет в истории, — все это указывает на особые мистические основы его исторической судьбы!" (Н.Бердяев, "Смысл истории". Обелиск, Берлин, 1923, стр. 105—106).

Достоевский, никогда не отличавшийся особой любовью к евреям, писал: "...Приписывать Status in Statu одним лишь гонениям и чувству самосохранения — недостаточно. Да и не хватило бы упорства в самосохранении на сорок веков, надоело бы и сохранять себя такой срок. И сильнейшие цивилизации в мире не достигали и до половины сорока веков и теряли политическую силу и племенной облик. Тут не одно самосохранение стоит главной причиной, а некая идея, движущая и влекущая, нечто такое, мировое и глубокое, о чем, может быть, человечество еще не в силах произнести своего последнего слова" ("Дневник писателя за 1877 год", Берлин, изд. И.П.Ладыжниковой, 1922, стр. 124).

О том же говорит и Куприн в своем рассказе "Жидовка": "Удивительный, непостижимый еврейский народ... что ему суждено испытать дальше? Сквозь десятки столетий прошел он, ни с кем не смешиваясь, брезгливо обособляясь от всех наций, тая в своем сердце вековую скорбь и вековой пламень. Пестрая, огромная жизнь Рима, Греции и Египта давным-давно сделалась достоянием музейных коллекций, стала историческим бредом, далекой сказкой, а этот таинственный народ, бывший уже патриархом во дни их младенчества, не только существует, но сохранил повсюду свой крепкий, горячий южный тип, сохранил свою веру, полную великих надежд и мелочных обрядов, сохранил священный язык своих вдохновенных божественных книг... Нигде не осталось следа от его загадочных врагов, от всех этих филистимлян, амалекитян, моавитян и других полумифических народов, а он, гибкий и бессмертный, все еще живет, точно выполняя чье-то сверхъестественное предопределение" (Собр. соч. в 6 т., ГИХЛ, М., 1957, т. 3, стр. 225).

Продолжение в следующем номере
Из книги "ПЛАМЯ НЕ СПАЛИТ ТЕБЯ".
По материалам сайта Toldot.ru

Рав Реувен Куклин

Еврейский ответ**Почему Лавану уделяется
так много места в Торе?**

Хорошего дня! Скажите, пожалуйста, почему о Лаване так много говорится в Торе?

Валерий

Чтобы ответить на Ваш вопрос, нам стоит прежде задуматься, в чем была "специфика" Лавана. Если мы поймём это, сможем ответить и на Ваш вопрос.

Передают от имени Виленского Гаона, что сущ-

ность любой вещи, которая упоминается в Торе, можно понять там, где она упоминается в первый раз. Первый раз Лаван упоминается в главе Хаей Сара (Бэреши 24, 29). Там сказано: "У Ривки же брат именем Лаван". Итак, Тора говорит о Лаване как о человеке с "белым" именем (лаван на иврите означает "белый"). Т.е., репутация Лавана была безукоризненна. Все видели в нём честного и праведного человека. И, действительно, таким он предстаёт на первый взгляд из рассказа Торы. Приведём несколько примеров.

Ривка сообщает Лавану о новом госте, Элизере. Какова реакция Лавана? — "И выбежал Лаван к тому

человеку на улицу... И сказал: войди, благословенный Господом, зачем ты стоишь на улице? Я же очистил дом и место подготовил для верблюдов" (Бэрешит 24, 29-30). Какая учтивость, какое гостеприимство!

Когда Элиезер рассказывает, как Всевышний помог ему найти для Ицхака самую подходящую невесту, Лаван говорит (стих 50): "От Б-га пришло это дело; мы не можем сказать тебе ни худа, ни добра. Вот Ривка пред тобою: возьми и пойди; и пусть будет она женою сыну господина твоего, как сказал Господь". Какая сильная вера в Б-га!

И когда Яков приходит к Лавану, Лаван также демонстрирует необыкновенное гостеприимство (Бэрешит 29, 13-14): "И было, когда услышал Лаван весть о Якове, сыне сестры своей, он побежал ему навстречу, и обнял его, и поцеловал его, и ввёл его в дом свой... И сказал ему Лаван: подлинно ты кость моя и плоть моя. И жил он с ним месяц времени".

Через месяц после прихода Якова Лаван хочет оплатить ту работу, которую Яков и без того делает для него. Более того, он предлагает, чтобы Яков сам решил, какая плата ему положена (стих 15): "Разве на то ты родственник мой, чтоб служить мне даром? Скажи мне, что заплатить тебе?". Какая прямота, какая честность!

О проявлении подобных прекрасных, на первый взгляд, качеств мы читаем и в других местах, где упоминается Лаван.

Так всё выглядит "на поверхности". Но если прочтём внимательнее, картина окажется совершенно противоположной.

Начнём с удивительного гостеприимства Лавана, проявленного во время приёма Элиезера. В стихах, описывающих это гостеприимство, приводятся прекрасные слова Лавана и к ним добавлено одно замечание, которое, на первый взгляд, не имеет какого-то особого значения (Бэрешит 24, 30-31): "И когда он увидел кольца и браслеты на руках сестры своей... сказал: войди, благословенный Г-сподом". Но мудрецы со своим острым зрением обращают внимание именно на эти слова. И делают вывод: увидев украшения, подаренные Ривке, Лаван понял, что Элиезер богат, и возжелал его имущества. Поэтому и выбежал ему навстречу.

Обратим внимание ещё на один момент. После того, как Лаван выразил свою абсолютную веру во Всевышнего, говоря: "От Б-га пришло это дело... Вот Ривка пред тобою: возьми и пойди..." (там же, 50-51), он немедленно "передумал" и начал искать предлог для того, чтобы не отпускать Ривку с Элиезером: "Пусть побудет с нами девица год или десяток месяцев, потом пойдёт" (там же, 55; в самом тексте Торы сказано "дни или десяток", Раши объясняет, что имеется в виду "год или десяток месяцев").

Поскольку Лаван выбежал навстречу Элиезеру, желая завладеть его имуществом, мудрецы полагают,

что навстречу Якову он выбежал по той же причине. Лаван "прикинул", объясняют мудрецы: если уж раб Авраама так богато одарил его, то сколько же можно получить от любимого внука Авраама. Не увидев у Якова никаких украшений, Лаван предположил, что тот привёз золотые монеты и прячет их за пазухой. Чтобы проверить своё предположение, он обнял Якова, и, когда понял, что и за пазухой у того пусто, подумал: может быть, Яков привёз с собой жемчуг и прячет его во рту? Чтобы проверить и это предположение, он поцеловал Якова.

Через месяц Лаван, как мы помним, сказал Якову (Бэрешит 29, 15): "Разве на то ты родственник мой, чтоб служить мне даром?". Отсюда ясно, что "гостеприимство" Лавана не было бескорыстным: целый месяц Яков работал у него бесплатно.

И из других стихов, говорящих о Лаване, можно понять, насколько сомнительным "праведником" был этот человек, казавшийся всем образцом порядочности.

Люди, о непорядочности которых известно всем, представляют значительно меньшую опасность для окружающих: ведь их опасаются и сторонятся. С другой стороны, мошенник, обладающий добрым именем, предельно опасен: люди не остерегаются его и берут с него пример, учатся дурному.

Это — одна из причин того, что в Торе так много говорится о Лаване: нам следует знать о существовании таких людей, имя которых "бело", а сущность — "черна". Необходимо научиться распознавать их.

Об этом говорят мудрецы в Пасхальной Агаде. Там сказано так: "В каждом поколении встают враги на нас, чтобы уничтожить нас, но Всевышний спасает нас от их руки. Ступай и учи, что хотел Лаван-арамеец сделать Якову: фараон приказал (истребить) только младенцев мужского пола, а Лаван хотел уничтожить всех, как сказано: "Арамеец вознамерился погубить отца моего" (Дварим 26, 5)".

Мудрецы говорят нам, что в каждом поколении есть у евреев враги, желающие их уничтожить, и не всегда мы можем распознать их, т.к. иногда они ведут себя с нами, на первый взгляд, "порядочно". Мы должны научиться "определять" их на примере Лавана: он выглядел праведником и человеком, любящим Якова, на самом же деле был хуже фараона. Тора свидетельствует, что он хотел погубить Якова.

*Из книги "Еврейский ответ на не всегда еврейский вопрос".
Публикуется с разрешения автора*

*Мы благодарим Всевышнего и всех кто
молились за приезд в Израиль Элишевы
Аллы бат Раи и также просим продолжить
молиться за ее здоровье*